

© 2005 г.

Т.И. ОЙЗЕРМАН

БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ: АПОЛОГЕТЫ ИЛИ КРИТИКИ КАПИТАЛИЗМА?

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич - академик Российской академии наук.

В марксистской литературе (отечественной, прежде всего) буржуазные экономисты характеризуются как *апологеты* капиталистической системы. Разумеется, таких немало. Но есть и другие, к тому же наиболее выдающиеся из них, которые, как и положено настоящим ученым, критически относятся к объекту своего исследования.

Маркс утверждал, что на стадии раннего капитализма, когда присущие ему классовые антагонизмы еще неразвиты, буржуазные экономисты были еще способны к строго научному, беспристрастному изучению буржуазных экономических отношений. Однако вследствие развития противоположности между наемным трудом и капиталом экономисты все более утрачивали этот научный подход к исследованию. Так, уже в конце XVIII - начале XIX в. сложилась *вульгарная*, по словам Маркса, политическая экономия, которая сводилась к оправданию господства капитала над трудом.

То, что классики политической экономии действительно критически исследовали капиталистическую экономику, разумеется, не вызывает сомнения. Достаточно хотя бы сослаться на А. Смита и Д. Рикардо. Смит, например, вполне определенно утверждал: "Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов бедна и несчастна. Простая справедливость требует, чтобы те, кто кормит, одевает и дает кров всему народу, получали такую часть продуктов своего труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и кров"¹. Едва ли с этим положением были согласны соотечественники А. Смита, капиталисты. Они считали вполне справедливым то, что пролетарии, их наемные рабы получали нищенскую заработную плату.

Выдающийся продолжатель Смита Д. Рикардо был не только теоретиком, но и успешным предпринимателем, но это не мешало ему критически изучать экономику капитализма. В результате своих исследований он пришел к двум весьма важным выводам. Во-первых, вся производимая стоимость товаров (включая и прибыль) создается только *живым* трудом пролетариев; машинное оборудование (овеществленный труд) никакой стоимости не создает. Второй вывод; прибыль капиталиста и заработная плата наемных рабочих находятся в отношении обратной пропорциональности, т.е. чем выше, к примеру, прибыль капиталиста, тем ниже заработная плата рабочих, и наоборот. Оба эти вывода, полностью принятые Марксом, по-видимому, отражали экономическую ситуацию, характерную для *раннего* капитализма. В развитом индустриальном обществе, благодаря растущей производительности труда и прибыль капиталиста, и заработная плата рабочих могут возрастать одновременно. Само собой разумеется, что значительный рост производительности труда обеспечивался его механизацией, рациональной организацией производства и т.п. Следовательно, и эти

факторы (а не только живой труд) *участвовали* в создании стоимости товаров, в улучшении их качества, а значит и в повышении меновой стоимости.

Однако вопрос о том, прав или неправ был Рикардо, а вслед за ним и Маркс, не относится к теме этой статьи. Мне лишь важно подчеркнуть критическое отношение Рикардо к капиталистической экономике, за что его, последовательного приверженца *трудовой* теории стоимости, уже в его время третировали апологеты капитализма, как "отца коммунизма". Маркс приводит высказывание одного из сторонников Мальтуса; "Учение, что труд есть единственный источник богатства, является, надо полагать, столь же опасным, как и ошибочным, ибо оно пагубным образом дает опору тем, кто утверждает, что вся собственность принадлежит рабочим классам и что доля, которую получают другие, будто бы отнята у рабочих грабительским и мошенническим путем"².

С точки зрения Маркса, экономисты XIX в., его современники, даже те из них, которые не порывают с трудовой теорией стоимости, но стремятся внести в нее коррективы, являются уже вульгарными экономистами, фактически, апологетами капитализма. Он обстоятельно критикует, например, Дж. От, Милля, ни слова не говоря о том, что этот либеральный мыслитель является также *социалистом*. Разумеется, социализм Милля, с точки зрения основоположников марксизма, является *буржуазным*. Однако я позволю себе привести собственные высказывания Милля, которые почему-то игнорировались Марксом, В "Автобиографии" Милль заявляет; "Социальная задача будущего, по нашему мнению, заключается в соединении наибольшей индивидуальной свободы действия с общинным землевладением и одинаковым участием всех в прибылях общего труда"³. Это, конечно, слишком общее высказывание, к тому же имеющее в виду лишь общественную собственность на землю, которая в Англии почти полностью принадлежит аристократии. Правда, в "Основаниях политической экономии" Милль уже говорит о промышленности; "Фабричный работник имеет в своем труде меньше личного интереса, чем член коммунистической ассоциации, потому что трудится не в пользу товарищества, которому принадлежит сам, как трудится член коммунистической ассоциации.., на социалистической ферме или фабрике каждый работник стал бы трудиться под хозяйскими глазами не одного хозяина, а всех членов общины"⁴.

Следует учесть, что Милль солидаризируется с воззрениями Сен-Симона, Фурье, Р. Оуэна и, по-видимому, имеет в виду попытки последнего основать коммунистические предприятия. Правда, эти предприятия постоянно разваливались, что не могло остаться неизвестным Миллю, Тем не менее, он категорически утверждает; "... если надо было бы делать выбор между коммунизмом со всем его риском, и нынешним состоянием общества со всеми его трудностями и несправедливостью... если бы выбор был только между таким положением дел и коммунизмом, то каковы бы ни были затруднения коммунизма, велики или малы, они были бы лишь песчинками на весах этого сравнения"⁵. Можно как угодно критически относиться к социалистическим (буржуазным, по терминологии "Манифеста Коммунистической партии") воззрениям Дж. Ст. Милля, но поклонником капитализма, а тем более его апологетом этого либерала никак не назовешь.

Точка зрения Маркса была до предела усугублена Лениным, который писал; "... *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии... В общем целом профессора-экономисты не что иное, как цепные приказчики класса капиталистов..."⁶. Читатель сам может судить, насколько такая характеристика относится к Миллю и, как я покажу далее, не только к нему,

Дж. Ст. Милль лишь отличный пример. Этого недостаточно для обобщающего вывода. В ! 899 г, Т. Веблен - основоположник институционализма в политической экономии - выпустил книгу, само название которой является вызовом буржуазному образу жизни, "Теория праздного класса". Таким классом, как нетрудно догадаться,

цивилизации бизнеса. Кто оплакивает упадок рабовладельческой системы в Греции или конец феодальных отношений между аристократами и крепостными, или крах древнего Китая с его мандаринами?"¹⁴. Разумеется, этот риторический вопрос не требует ответа.

Излагая основные положения книги Хейлбронера, я подчеркивал, что он не согласен с учением Маркса, полемизирует с ним. Однако не требуется большой проницательности, чтобы увидеть в этой *буржуазной* критике *буржуазного* общества несомненное влияние марксизма, фактическое согласие с его основным тезисом об исторической необходимости перехода от капитализма к посткапиталистическому обществу, которое американский экономист и социолог представляет себе, конечно, не в духе марксистского "научного социализма".

Л. Эрхард, выдающийся немецкий экономист и глава правительства, которое в потерпевшей поражение Германии осуществило в 50-х гг. прошлого века небывалый экономический подъем, названный "экономическим чудом", будучи несомненным сторонником капиталистической системы, тем не менее, одобряет современный социал-демократический социализм, который "определенно выказал приверженность к свободной рыночной экономике и свободе предпринимательства, разглядев в институте монополий пороки (курсив мой -Т.О.) капиталистического строя"¹⁵. Эрхард отнюдь не считает, что планирование несовместимо с рыночной экономикой; с ней несовместимо лишь государственное, принимающее тотальный характер планирование, которое бюрократизирует экономику и неизбежно сковывает экономический рост. Он считает ошибочным утверждение, что рыночное хозяйство является бесплановым или анархическим. В этой связи он характеризует противоположность между капитализмом и социализмом: "Настоящий водораздел проходит не между свободным хозяйством и плановым и не между капиталистической экономикой и социалистической, а между рыночным хозяйством со свободным ценообразованием и государственной командной экономикой с регулятивным вторжением в распределение". Поскольку в нашей стране ныне решительно отвергнуты командно-административные методы управления народным хозяйством, с этим высказыванием Эрхарда, наверное, могут согласиться и члены нашего правительства и, конечно, глава государства. Нельзя не согласиться с Эрхардом и в том, что планирование экономики недопустимо возводить в догму, так как догматическое, в частности, большевистское планирование, в сущности, дискредитировало идею планирования.

Показательно, что этот убежденный приверженец свободной рыночной экономики, представляющей широкий простор конкуренции, которую он противопоставляет аморальному поведению "отдельных предпринимателей", отнюдь не склонен радикально противопоставлять капитализм социал-демократически трактуемому социализму. Он пишет, что «оба понятия - "либеральный" и "социалистический" или "социальный" - не обязательно рассматривать как противоположности, что должен существовать путь, должно найти решение для увязки этих двух целей и, может быть, двух методов, , Если учесть, что Эрхард боролся за победу Христианско-демократической партии против СДПГ, то такая позиция свидетельствует, что он понимает и частью даже разделяет социал-демократическую критику капиталистической системы.

Таким образом, на примере рассмотренных воззрений непреклонных сторонников *современного* капитализма выявляется характерная, можно даже сказать, *основная* черта буржуазной идеологии: она сочетает защиту и оправдание капиталистической системы с ее *критикой*. Она рассуждает о капитализме примерно так, как консерватор Черчилль характеризовал демократию: это, конечно, довольно плохая вещь, но ничего лучшего человечество еще не выдумало. Отказ буржуазных идеологов от дискредитировавшей себя апологии капитализма (или же переход на позиции его *косвенной* апологии) объясняется мощным развитием профсоюзного движения и социал-демократических партий.

От рассмотрения таких деятелей, как Эрхард, которые позволяют себе весьма и весьма умеренную критику капитализма, переходу к более решительным буржуаз,

ным критикам этой экономической системы. Наиболее ярким, талантливым среди них является, на мой взгляд, такой выдающийся экономист, как Й. Шумпетер. Анализируя развитие современного капитализма, он уверенно заявляет; "... экономический процесс, как и сама человеческая душа, имеет тенденцию социализироваться. Иначе говоря, постепенно складывается все больше технологических, организационных, коммерческих, административных и психологических предпосылок социализма... Вывод о неизбежности перехода к социалистическому строю в этих условиях напрашивается сам собой"¹⁸.

Разумеется, Шумпетер понимает социалистические преобразования не по Марксу. Никакой экспроприации экспроприаторов не будет. Частная собственность на средства производства также не будет запрещена, но она едва ли сохранится, т.е. постепенно отомрет вследствие развития новых, более эффективных форм собственности на средства производства. Необходимость этих новых форм собственности - акционерных, кооперативных, государственных и, конечно, частных, порождена тем, что "капитализм быстро теряет преимущества, которые у него были". Социализм, если он не оказывается *преждевременным* социальным переворотом, как это случилось (именно *случилось*, подчеркивает Шумпетер) в России, отнюдь не является отрицанием демократии, сложившейся в условиях высокоразвитого капитализма. "Идеология классического социализма - отпрыск буржуазной идеологии"²⁰, - заявляет он. Это звучит парадоксально, но если иметь в виду, что речь идет об отношении социализма к либеральной демократии, то все становится понятным. Ведь главное в социализме состоит в освобождении трудящихся от капиталистической эксплуатации, что предполагает оптимальное расширение пространства демократии. Отсюда следует вывод: "В принципе социализм как таковой не противоречит идеалу истинной демократии. Беда заключается в том, что социалисты далеко не всегда разборчивы в средствах, какими они пытаются провести этот идеал в жизнь"²¹. С этим выводом, поскольку речь здесь идет, прежде всего, о "реальном социализме" в СССР, согласится в наши дни, пожалуй, любой россиянин. Как справедливо отмечает Шумпетер, между социализмом, как общественным строем, и демократией не существует обязательной, неразрывной связи; одно может существовать и без другого. Но нет между ними и отношения *несовместимости*. Все дело в том, в какой стране, при каких исторических условиях совершились социалистические преобразования. Нелепо думать, что советский "реальный социализм" - единственно возможная форма социалистического общества. Обосновывая это заключение, Шумпетер ссылается на Маркса, учение которого означало, по убеждению этого буржуазного экономиста, великий перелом, означавший вступление социализма в пору зрелости. Революция, согласно Марксу, "означает не попытку меньшинства навязать свою волю непокорному народу, а не что иное, как устранение препятствий, стоящих на пути его свободного волеизъявления"²². Ясно, что такое понимание смысла социалистической революции не имеет ничего общего с ленинской, родственной ткачевской концепцией социалистического переворота.

Подытоживая краткое рассмотрение этого выдающегося произведения, хочу отметить самое главное в нем; осознание эволюции капиталистического способа производства в направлении к социализму, понимаемому гораздо более *реалистически*, чем это имеет место в марксистской литературе. "Все, что мне хочется подчеркнуть, - это то, что мы действительно далеко ушли от принципов капитализма свободного предпринимательства, а также то, что можно развивать и регулировать капиталистические институты, - в той мере, в какой речь идет о функционировании частного предприятия, - таким способом, который хотя и отличается от истинно социалистического планирования, но не слишком сильно"²³. И, подытоживая свое исследование, Шумпетер констатирует, что Маркс ошибался в своем прогнозе относительно того, каким способом произойдет крушение капитализма, но правота его состояла в том, что капитализм, несомненно, со временем потерпит крушение. Такова теоретическая позиция буржуазного экономиста.

Д.К. Гелбрейт - более умеренный критик капиталистической системы, но и он все же приходит к... социалистическим выводам. А то, что эти выводы отличаются от марксистских, едва ли стоит рассматривать как их недостаток. Этот экономист выделяет в капитализме, с одной стороны, рыночную экономику, которая не может и не должна быть *всеобъемлющей*, а с другой, - планирующую систему, важнейшей формой которой являются корпорации. В США они производят около половины всех товаров и услуг, создаваемых вне государственного сектора. Примерно столько же производят 12 миллионов мелких и средних американских фирм, образующих рыночную экономику. "Планирующая система.., существует в самой тесной связи с государством. Очевидной основой этих взаимоотношений являются огромные расходы правительства на приобретение выпускаемых ею товаров"²⁴. Однако тесная связь с государством не мешает ей оставаться независимой в своей собственной сфере. Место, которое та или иная фирма занимает в своей отрасли, зависит от ее собственной мощи, которая позволяет ей оказывать прямое или опосредованное влияние на установление цен и издержек не только своей продукцией, но и продукции многих других фирм, экономически связанных с нею. Корпорации осуществляют контроль над своей экономической средой, которая тем обширнее, чем крупнее корпорация. Корпорации, таким образом, в значительной мере планируют эту среду, хотя они и сами во многом являются ее частью, подчиненной рыночной экономике. Ведь они являются потребителями продукции рыночной системы, но и последняя покупает продукцию по ценам, которые в большей или меньшей мере находятся во власти планирующей экономики, т.е. корпораций. Гелбрейт пишет: "Техноструктура фирмы в планирующей системе преследует цели, являющиеся важными для самой техноструктуры, служащие ее интересам. В пределах весьма значительной самостоятельности она определяет, что производить, устанавливает цены и убеждает потребителя"²⁵. Описывая это положение вещей в современном капиталистическом обществе, Гелбрейт отнюдь не считает его способствующим общественному развитию. Тот факт, что "планирующая система", т.е. корпорации, в значительной мере определяет государственную политику соответственно собственным нуждам, не только не способствует социальному прогрессу, но в немалой мере тормозит его. Симбиоз государственной бюрократии с наиболее развитыми техноструктурами (корпорациями) поглощает громадные средства, которые можно было бы употребить в интересах всего общества. Необходима основательная реформа. Государство должно быть вполне независимым от корпораций, оно призвано обслуживать общество, а не эти громоздкие техноструктуры. Необходимо преодолеть усиленно насаждаемое корпорациями представление, что интересы планирующей системы совпадают с интересами народа. Чрезмерная власть корпораций вредит обществу, и никакие антитрестовские законы не могут ослабить эту власть. "Теперь уже трудно поверить, что экономическая система имеет тенденцию к самосовершенствованию. Неравномерное развитие, неравенство, никчемные и вредные нововведения, ущерб окружающей среде, пренебрежение интересами отдельной личности, власть над государством, инфляция, неспособность наладить координацию между отраслями являются составной частью системы, как и составной частью реальности" . Не требуется большой проницательности дабы понять; Гелбрейт выступает против господства монополий, монополистического капитала, которое препятствует удовлетворению весьма важных общественных потребностей: покрытию расходов на образование, здравоохранению, обеспечению деятельности судов и различных городских служб, содержанию полиции, очистке улиц и многому другому.

Медицинское обслуживание может быть эффективным только как непосредственно государственное дело. То же относится к общественному транспорту и жилищному строительству. Следовательно, приватизация далеко не всегда лучше, чем государственная собственность. Набрасывая в общих чертах необходимую, по его убеждению, социальную реформу, Гелбрейт утверждает: «В первую очередь существует потребность радикально усилить влияние и возможность рыночной системы, по возможности повысить уровень ее развития по отношению к планирующей системе и

тем самым уменьшить со стороны рыночной постоянное неравенство в уровнях развития между двумя системами... Мы называем это "новым социализмом". Необходимость уже вызвала к жизни новый социализм в гораздо большем масштабе, чем подзревает большинство людей,²⁷. Новый социализм, разъясняет Гелбрейт, не носит идеологического характера, его необходимость вызвана объективными обстоятельствами. Было бы ошибкой рассматривать этот социализм как отражение интересов рабочего класса, во-первых, потому что современные рабочие отказались от социализма и, во-вторых, потому что социалистические преобразования выражают интересы подавляющей массы населения и, в сущности, реализуют общечеловеческую задачу.

Социалистическое общество, по представлению Гелбрейта, представляет сочетание, сотрудничество государственных и частных предприятий. Это, в частности, проявляется в том, что государство владеет акциями ряда акционерных компаний, а частный капитал владеет частью акций государственных компаний. При этом вопрос о государственном участии в частных предприятиях, так же как и вопрос об участии капиталистов в государственных предприятиях, решается на правительственном уровне. Для решения этих вопросов, значение которых невозможно переоценить, необходим, полагает Гелбрейт, *государственный плановый орган*. "Требуется планирование, которое отражает не интересы планирования, а общественные интересы. Создание аппарата планирования, которое современная структура экономики делает настоящей необходимостью, является следующей основной задачей в области экономики"²⁸. Само собой разумеется, что речь здесь идет не о создании аппарата, аналогичного советскому Госплану, хотя бы потому, что социализм понимается Гелбрейтом как общество смешанной многоукладной экономики, которое в принципе не поддается тотальному планированию.

Верховенство государства необходимо, с точки зрения Гелбрейта, также для установления максимально допустимого разрыва между средней и наивысшей заработной платой. Несправедливо, что глава корпорации получает раз в 50 больше обычного рабочего. Это несправедливое соотношение должно быть устранено посредством прогрессивного налога: "система прогрессивного налогообложения является необходимым элементом сознательных усилий с целью достижения большей степени равенства в планирующей системе"²⁹. Государство также призвано заботиться о значительном повышении минимального уровня заработной платы. Не менее настоящей государственной задачей является предоставление гарантированного дохода лицам, которые по тем или иным уважительным причинам не могут найти себе применения. Экономические проблемы в принципе неразрешимы без государственных решений и руководства.

Гелбрейт справедливо указывает на ограниченное значение экономической доктрины Кейнса, который исследовал производство материальных благ и пути предотвращения депрессий. "Однако в более важном смысле Кейнс ошибался. Он не представлял себе, что в ходе экономического развития власть перейдет от потребителя к производителю. И, не предвидя этого, он не видел растущего расхождения между интересами производителя или планирования и интересами общества"³⁰. Задача, которую призвано решить социалистическое преобразование, состоит в том, чтобы преодолеть и это расхождение, отстаивать интересы общества, интересы каждого члена общества.

Естественно возникает вопрос: социалист ли Гелбрейт? Разумеется, он не социалист в марксистском или хотя бы социал-демократическом смысле слова. Он не политик, не идеолог, а теоретик-экономист, исследователь современного капиталистического общества, которое видится ему в новом свете. "Социализм, - пишет он, - уже существует. Признание этого факта и его необходимости было бы проявлением честности и оказало бы огромную услугу делу улучшения результатов деятельности". Нельзя, конечно, согласиться с такой характеристикой современного капиталистического общества, хотя в нем действительно претворены в жизнь многие программные требования социализма; повышение заработной платы рабочих до уровня, вполне

обеспечивающего безбедное существование, сокращение рабочего дня до семи а кое-где и до шести часов, существенное улучшение условий труда, техники безопасности на производстве, пособим по безработице, достигающие 75% заработной платы, налаженное медицинское обслуживание, пенсии, размер которых вполне обеспечивает потребности пожилых людей. И все же это не социализм, а капиталистическое общество, несмотря на то, что рабочие в развитых капиталистических странах, в основном, удовлетворены своим положением. А. Андриё и Ж. Линьон в исследовании процесса изменения положения и сознания современного рабочего пишут: "Существуют ли все же рабочие, сознающие себя таковыми (а leur progres ueux) и признаваемые таковыми другими? Это означает также вопрос: существует ли рабочий класс и рабочий вопрос? Но это-то и является предметом сомнения как среди рабочих, так и среди других членов общества"³². Можно не соглашаться с такой радикальной постановкой вопроса, но нельзя отрицать, что она отнюдь не надумана, т.е. фиксирует определенные факты.

Другой немецкий исследователь Г. Попитц в книге, также вышедшей более полвека тому назад, описывая положение рабочего класса в Западной Германии, утверждает: "Является ли это признаком того, что рабочие в настоящее время отrekliсь от той активной исторической роли, которую они играли в течение последнего века? Или это только трезвый и скептический дух переходной эпохи?"³³. Вопросительная форма предложений - дело стилистики, В сущности Попитц утверждает то, о чем, как кажется, он вопрошает.

Некоторые исследователи именуют современный капитализм (и отнюдь не без оснований) постиндустриальным, посткапиталистическим обществом, В этом вопросе нет и не может быть единства взглядов среди исследователей — экономистов, социологов, историков. И это отсутствие единства воззрений относительно *факта*, вполне поддающегося самому детальному описанию, весьма показательно. По меньшей мере, оно говорит о том, что капитализм конца XX в. *радикально* отличается от капитализма начала этого столетия. Не есть ли современный капитализм некое *переходное* общественное состояние, не обязательно к социализму, но, по-видимому, к новому, посткапиталистическому общественному строю? Ответ на этот вопрос станет возможным, обоснованным уже в недалеком будущем, скажем, в середине XXI века.

Подытоживая вышеизложенное, хочу сослаться на убеждение такого преуспевающего финансиста-миллиардера, как Д. Сорос. Стронник учения К. Поппера об "открытом обществе", т.е. последовательно правовом устройстве буржуазного общества, филантроп широкого размаха, он также является критиком современного капитализма, экономической системы, без которой он не стал бы миллиардером. "Если наша система, - пишет он, - не будет скорректирована признанием общих интересов, которым следует отдавать предпочтение перед интересами частными, то система эта - при всех своих несовершенствах соответствующая требованиям открытого общества - рискует развалиться". Нет сомнений в том, что Сорос печется не о себе, а о судьбе так называемого открытого, т.е. буржуазно-демократического общества, развитие которого, как утверждают К. Поппер и его сторонники, определяется не какой-то исторической необходимостью, объективными экономическими законами и т.п., а человеческим разумом, волей, искусством управления социальными процессами.

Итак, существуют существенно различные друг от друга буржуазные ученые (имеются в виду экономисты, социологи, философы, историки и т.д.). Одни из них занимаются прямой, а еще чаще косвенной апологией капитализма. Другие, напротив, являются критиками капитализма, причем основательными критиками капиталистического строя. К этим последним можно отнести уже приведенное выше изречение У. Черчилля: демократию не назовешь хорошим общественным устройством, но ничего лучшего человечество до сих пор не выдумало. Именно так рассуждают *буржуазные* критики *буржуазного* общества. И я, отнюдь не являющийся поклонником цивилизации бизнеса", вынужден *volens-nolens* согласиться с ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Смит Л. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. М., 1993. С. 200.
- ² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 59.
- ³ Милль Дж. Ст. Автобиография. СПб., 1874, С. 245.
- ⁴ Милль Дж. Ст. Основания политической экономии. Т. 1. СПб., 1874. С. 255.
- ⁵ Там же. С. 259.
- ⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 363-364.
- ⁷ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 216.
- ⁸ Там же, С. 140.
- ⁹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2. С. 424.
- ¹⁰ Там же. С. 428.
- ¹¹ Цит. по; Итон Дж. Маркс против Кейнса. М., 1958. С. 67.
- ¹² Heilbroner R.L. Business Civilization in Decline. N.Y., 1976. P, 9.
- ¹³ Ibidem. P. 46.
- ¹⁴ Ibidem. P. 121.
- ¹⁵ Эрхард Л. Полвека размышлений. М., 1996. С. 44.
- ¹⁶ Там же; С. 41.
- ¹⁷ Там же. С. 117.
- ¹⁸ Шумпетер И. Капитализм, социализм, демократия. М., 1994. С. 293-294. Развивая этот тезис несколько ниже, Шумпетер подчеркивает; "...движение к социализму, заложенное в самом развитии капитализма, происходит постепенно, небольшими шагами,.. Процесс капиталистической эволюции формирует материальные условия и души людей, готовя почву для социализма. В предельном случае почва будет подготовлена настолько, что последний шаг станет простой формальностью.." (там же, с. 294). Шумпетер признает даже объективную необходимость социалистического переустройства общества; "Процесс подготовки необходимых для социализма условий и самих людей в основе своей идет автоматически т.е. независимо от чьей-либо воли и каких-либо социальных мер" (там же, с. 295). Однако этот объективный процесс, совершающийся мирно, без каких-либо потрясений, революции, естественно, должен быть узаконен, закрепен "путем принятия поправки к конституции" (там же). Будут, конечно, и недовольные, но и они проявят терпимость. "Ни у кого не возникнет ощущения тупика или кризиса мира" (там же).
- ¹⁹ Там же. С. 387.
- ²⁰ Там же. С. 389.
- ²¹ Там же. С. 311.
- ²² Там же. С. 312.
- ²³ Там же. С. 529. Л. Туроу, известный американский экономист и социолог, по-иному, с позиций социальной психологии, объясняет трансформацию капитализма. "Богатые оказались хитрее, чем думал Маркс. Они поняли, что само их существование - в длительной перспективе - зависит от устранения революционных ситуаций, и они их устранили" (Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 12), Капитализм, считает Туроу, не развалится, как это произошло с социалистическим строем. Однако он не сможет выжить без значительных, сущностных преобразований. "Присущие капитализму проблемы, видимые уже при рождении (неустойчивость, растущее неравенство, люмпен-пролетариат) все еще ожидают своего решения, но ждет решения и ряд новых проблем, вытекающих из растущей зависимости капитализма от человеческого капитала и искусственных интеллектуальных отраслей промышленности" (там же, с. 384). Туроу не считает, что будущее человечества принадлежит социализму, но капитализм, по его убеждению, неизбежно претерпит трансформацию. "Технология и идеология потрясают основы капитализма двадцать первого века. Технология делает квалификации и знания единственным источником стойкого стратегического преимущества. Идеология при содействии электронных средств информации, движется к радикальной форме краткосрочной максимизации индивидуального потребления. Это происходит как раз в то время, когда экономический успех будет зависеть от готовности и способности делать долговременные общественные инвестиции в квалификации, образование, знания и инфраструктуру" (там же, с. 384). Совершенно очевидно, что такие инвестиции, в таком масштабе не под силу каждой капиталистической стране.
- ²⁴ Гелбрейт Д.К. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 202.

²⁵ Там же. С. 267.

²⁶ Там же. С. 269-270. Вмешательство государства в экономику, поскольку это вмешательство служит интересам подавляющей части членов общества, Гелбрейт называет социализмом, не связывая, таким образом, социалистические преобразования с упразднением частной собственности на средства производства. "Есть, однако, и другие шаги к социализму, имеющие более непосредственный и настоящий характер... К этому реально существующему социализму мы теперь и обратимся" (там же, с. 343). Гелбрейт при этом отмечает, что в США слово "социализм" является бранным словом. Политический деятель, стремящийся добиться успеха, подчеркивает свое отрицательное отношение к социализму. "Очень часто он объясняет, что предлагаемые им меры именно благодаря своему радикализму предназначены для спасения страны от социализма" (там же). Но Гелбрейта не прельщают политические лавры. Он сторонник социализма, оговариваясь, правда, что подобно европейским социал-демократам он "не станет серьезно предлагать, чтобы банки, страховые компании, автомобильные заводы, химические предприятия и, за некоторым исключением, металлургические заводы были переданы в общественную собственность" (там же, с. 344). Это утверждение не носит, однако, категорического характера. В другом месте своей книги он констатирует, что во Франции, Италии, Японии, Швейцарии "предприятия, которые полностью обобществлены, работают намного лучше. Только те предприятия, которые не обобществлены, работают плохо" (там же, с. 351). Наш современный, постсоветский опыт подтверждает этот, на мой взгляд, отнюдь не односторонний (я бы назвал его диалектическим) подход к проблеме обобществления (или приватизации) средств производства.

²⁷ Там же. С. 280-281.

²⁸ Там же. С. 397.

²⁹ Там же. С. 337.

³⁰ Там же. С. 402.

³¹ Там же. С. 356.

³² Andrieux A. Lignon J. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960. P. 7.

³³ Popitz H. Das Gesellschaftsbild des Arbeiters. Tübingen, 1967. S. 183.

³⁴ Сорос Д. Новый взгляд на открытое общество. М., 1997. С. 9.